

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 554–559
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 554–559
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-554-559>

Рецензия
УДК 94(47–16)

Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время

(Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время / под ред. проф. С. А. Мезина. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2021. 324 с. : ил.)

А. А. Кузнецов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, nalbuz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>

Аннотация. Книга о малых (при)городах юга Псковской земли в Смутное время написана известным специалистом по истории России XVII в. Я. Н. Рабиновичем. Она вызовет большой интерес у исследователей и широкого круга читателей. Монография воссоздает цельную системную картину событий Смутного времени на юге Псковской земли. Это преимущество книги определено привлечением новых исторических источников, новой фактографией и её концептуальным осмыслением. Исследование позволяет дополнить историю Псковского региона. В рецензии высказаны замечания по структурированию работы и пожелания в связи с необходимостью написания обобщающего труда по истории Пскова и Псковской земли в Смутное время, а также биографических текстов.

Ключевые слова: Смутное время, Псков, юг Псковской земли, пригороды, Лжедмитрий III, Себеж, Опочка

Для цитирования: Кузнецов А. А. Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 554–559. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-554-559>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Book review: Rabinovich Ya. N. Southern Pskov settlements in the Time of Troubles

(Rabinovich Ya. N. *Southern Pskov settlements in the Time of Troubles* / ed. by prof. S. A. Mezin. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2021. 324 p. : il.)

А. А. Kuznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

Andrey A. Kuznetsov, nalbuz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>

Abstract. The book about the settlements of the south of the Pskov region in the Time of Troubles was written by a well-known specialist in the history of Russia of the XVII century Ya. N. Rabinovich. It will arouse great interest among researchers and a wide range of readers. The book recreates a complete system picture of the events of the Time of Troubles in the south of the Pskov land. This advantage of the book is determined by the involvement of new material from historical sources, new factography and its conceptual understanding. The study of Ya. N. Rabinovich allows us to supplement the history of the Pskov region. The review contains comments on the structuring of the material and wishes in connection with the need to write a generalizing work on the history of Pskov and the Pskov land in the Time of Troubles, as well as biographical texts.

Keywords: Time of Troubles, Pskov, the south of the Pskov land, suburbs, False Dmitry III, Sebez, Opochka

For citation: Kuznetsov A. A. Book review: Rabinovich Ya. N. Southern Pskov settlements in the Time of Troubles / edited by prof. S. A. Mezin. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2021. 324 p.: il. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 554–559 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-554-559>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Смутное время в России начала XVII в. – одна из изучаемых тем в отечественной историографии. До 1991 г. здесь господствовала традиция большой «истории Смуты» – от С. Ф. Платонова до Р. Г. Скрынникова: взгляды исследователей приковывали магистральные событийные линии. Важным направлением была и классовая борьба, выразившаяся, прежде всего, в восстании И. И. Болотникова. Последовавшие после него события и процессы также высвечивались через интерпретацию составляющей классовой борьбы, которая подавалась в общероссийском взгляде. Исключение делалось, пожалуй, для изучения Нижнего Новгорода в периоде 1611–1612 гг. (труд П. Г. Любомирова о Нижегородском ополчении), потому что были Кузьма Минин и Ополчение. Но опять-таки только по причине того, что решенные Ополчением задачи и достигнутая им цель вывели это региональное движение на общероссийский уровень «большой истории».

Лишь с 1990-х гг. началось смещение научного внимания на проблематику микро-, региональной и социально-стратиграфической истории Смутного времени. Я. Н. Рабинович, с 2006 г. зарекомендовавший себя в историографии Смуты и истории XVII в., известен биографическими исследованиями малоизвестных доселе персонажей истории начала XVII в., введенными им в оборот текстами крупнейшего «смутолога» Г. А. Замятина (1882–1953), и, конечно, штудиями, посвященными малым (при)городам Псковской земли и Новгорода в Смутное время. Слово «конечно», потому что в диссертации Я. Н. Рабиновича 2010 г. рассматривались малые города Северо-Запада России в Смутное время.

Следует отметить, что в рецензируемой книге ожидается развитие, дополнение выводов и материалов, представленных в диссертации. Автор оправдал эти надежды. Более того, рецензируемый труд представляет собой следующую стадию развития этой темы Я. Н. Рабиновичем – после его книг о псковских городах (2013¹ и 2014 гг.)². Монография насыщена новыми, по сравнению с диссертацией, материалами и исследовательскими идеями, а главным является то, что в ней акценты поставлены на южных (при)городах Псковской земли – отдельно, до сего дня еще не прописанном, кроме диссертации Я. Н. Рабиновича, феномене псковской микроистории Смуты (с. 5–6).

Монография Я. Н. Рабиновича посвящена сложной, в силу видового и географического разнообразия, а также состояния источников (с. 8), обильной, но неравномерной по охватываемым историографией вопросам, проблеме – роли малых городов Северо-Западной России в Смутное время. До сих пор в исторической памяти России отсутствует четкая и ясная картина истории Смутного времени в Северо-Западной России, находящейся севернее магистральных линий этой эпохи: Москва – Рязань; Смоленск – Москва; Москва – Нижний Новгород; Новгород – Троице-Сергиев

монастырь – Москва; Нижний Новгород – города Верхнего Поволжья – Москва... Тут же проблема усугубляется тем, что южные города (пригороды) несколько отстоят от Пскова и его северных территорий по происходившим процессам. Последние были «отягощены» польским фактором.

Нельзя сказать, что история южных (при) городов Псковской земли была обойдена вниманием историков. Как показано во Введении (с. 7–18), начиная с местных энтузиастов-исследователей, практически все поколения отечественных историков затрагивали историю Смуты на Северо-Западе России. Однако южный фронт этого региона – Себеж, Красный, Опочка, Невель, Заволочье, Великие Луки – историографически разработан неравномерно. Особенно остро это ощущается на примере Себежа (с. 7–11). Он побывал в составе Польши, и многие моменты истории города XVII в. отложились в архивах; входил в состав Витебской губернии и Белоруссии, находился в административном подчинении Калинин (Твери), Ленинграда и др. Переходы из одного подчинения в другое привели к тому, что местные исторические сообщества попросту не успевали приступить к изучению Себежа (с. 8). Эти два обстоятельства – разрозненность источниковой базы и отсутствие хоть какой-либо традиции изучения его истории – привели к тому, что представители «большой» исторической науки долгое время игнорировали феномен Себежа в начале XVII в. Хочется верить, что книга Я. Н. Рабиновича переломит эту историографическую тенденцию. По крайней мере, монография содержит исчерпывающий материал по Себежу в годы Смуты.

С городом Красным возникла проблема неравномерности проработки этого города. Относительно «повезло» его истории XX в., но не Смуты (с. 9). Наиболее изученным из всех южных псковских городов в эпоху Смуты оказался Невель.

Тем не менее при такой неоднозначной историографической ситуации Я. Н. Рабинович из трудов российских историков (от А. П. Барсукова, С. М. Соловьёва через С. Ф. Платонова до современных исследователей) извлек все, что они писали о городах южной Псковщины в Смутное время (с. 12–19). Важно подчеркнуть, что автор использует историографию не в этикетном смысле, а как средство исследования проблемы. Он созидает опору, от которой ведет исследование; выявляет спорные вопросы; формирует круг источников. Их квалифицированный обзор тоже представлен во Введении (с. 19–23). Я. Н. Рабинович показывает, какую важную роль в источниковом массиве играют акты и делопроизводственные документы. А вот нарративы уступают им по значимости. Автору самому приходится писать нарратив по истории городов юга Псковской земли (только уже историографический, а не источниковый). С этой задачей он справился.

Глава 1 посвящена «предыстории» проблемы – прошлому южных (при)городов Псковщины

до начала XVII в. Исследователь постарался «выжать» все возможное из отрывочных сведений источников и верифицируемых выкладок историографии о Себеже, Опочке, Красном, Невеле, Великих Лук и Заволочья, начиная с XV в. через присоединение Пскова к Российскому государству и до начала Смутного времени. Представленный очерк истории этих городов (с. 24–55) сам по себе является ценным вкладом Я. Н. Рабиновича в написание истории Северо-Запада России до начала XVII в. (в этот список городов не вошли ближайший псковский пригород Остров и крупнейший (по состоянию на середину XVI в.) пригород Вороноч (со знаменитым Святогорским монастырем, основанным в 1560-е гг.), о судьбе которых в Смутное время известно мало (вероятно, сказалась ограниченность источниковой базы). В этом добротном информативном тексте, кроме прочего, важным является подробное описание событий начала 1580-х гг. Если ранее внимание источников и научной литературы сосредоточивалось исключительно на «псковском сидении», то после выхода книги Я. Н. Рабиновича надо будет обязательно говорить о доблести и мужестве гарнизонов южно-псковских (при)городов в завершении Ливонской войны.

Данное обстоятельство приобретает особое значение в плане социальной психологии и истории Смуты. В историографии было отмечено, что правление Ивана Грозного с его войнами, особенно Ливонской, и 6 военных лет в правлении Федора Ивановича (1584–1598) сформировали поколение, для которого привычными и обыденными были постоянная военная готовность и повседневность российского дворянства³. Проецируя данное наблюдение на юг Псковской земли, необходимо отметить, что события начала 1580-х гг. стали веховыми в деле формирования военного поколения. В начале 1580-х гг. там действует молодежь, которой в начале XVII в. будет 35–40 лет, подрастает генерация, которой к началу Смуты исполнится 20–30 лет. Представители обеих возрастных страт станут участниками событий первых двух десятилетий XVII в. Данным фактором, наряду с остальными, объясняется стойкость дворян южной Псковщины в борьбе с поляками, шведами и их выборы ориентиров (царская Москва или Лжедмитрий III). В третьей главе Я. Н. Рабинович специально подчеркивает формирование антишведских настроений у дворян южной Псковщины из-за того, что многие из них были здесь испомещены после выселения с земель, доставшихся шведам по итогам Ливонской войны (с. 133).

В главе 2 (с. 56–126) представлена микроистория Себежа, Опочки и Красного по данным Писцовой книги 1585–1587 гг. Этот давно используемый в науке источник впервые применен Я. Н. Рабиновичем для микроисторического описания повседневности южных (при)городов Пскова. Ценность привлекаемого источника вели-

ка, поскольку он содержит данные предыдущих писцовых описаний. Грамотное использование автором этого источника позволяет говорить и об исторической антропологии. Указание «адресов» и личных имен жителей данных (при)городов создает условия для будущего просопографического исследования. В целом можно сказать, что Я. Н. Рабинович вводит читателя в мир повседневности Себежа, Опочки и Красного перед Смутным временем.

Глава 3 (с. 127–139) повествует о сложном для южных псковских городов правлении Василия Шуйского (1606–1610). Предложенная недавно А. А. Селиным модель «формирования особой политической субъектности» для земель Российского государства в Смуту⁴ находит подтверждение в содержании этой главы. Именно в царствование Василия Шуйского и шло обретение этой «политической субъектности» Псковом и его землей. И первыми этот процесс затронул южные пригороды Пскова. Их дворяне, попавшие в плен к Лжедмитрию II и отпущенные им, стали его своеобразными агентами у себя дома. Я. Н. Рабинович сумел показать трудно фиксируемые в источниках динамику и логику развития процесса ухода южно-псковских пригородов, а потом и самого Пскова из-под власти Москвы в ту самую «политическую субъектность». Давление промосковских сил на дворян Себежа, Опочки и других городов только усиливало их желание наращивать и укреплять союз с Лжедмитрием II, что и вылилось в антимосковское восстание. Неудачные попытки его подавления из Новгорода «включило» еще один фактор – конкуренцию с Новгородом. Однако не стоит преувеличивать данное обстоятельство. Как уже было замечено на примере Новгорода, в Смуту там не было возрождения элементов «латентной старины»⁵ (тезис, встречающийся в современной историографии⁶). Тем более, носителей той самой домосковской старины в псковских землях спустя столетие после присоединения уже не оставалось.

Появление же в Новгороде шведских войск, соединившихся со Скопиным-Шуйским, обострило давнюю неприязнь псковичей к шведам. Нарастание антиновгородских (из-за неудачной политики Москвы) и антишведских настроений в псковских пригородах подогревалось еще и наличием «воевод» Тушинского Вора – Плещеева, Просовецкого и Лисовского. Все это привело к тому, что после низвержения Василия Шуйского в 1610 г. Псков с южными (при)городами ориентировался по-прежнему на Лжедмитрия II и готов был противостоять новгородцам, шведам и польскому королю Сигизмунду III. Процесс носил неоднозначный характер: часть псковских дворян продолжали ориентироваться на Василия Шуйского, став проводником его политики в регионе. Ярким примером тому являются дворяне Валуевы, среди которых выделялся Григорий Валуев. Его пока еще лоялистское поведение

резко контрастировало с обозначившимися настроениями основной массы дворян южных псковских городов.

Содержание главы 3 показательно и в том смысле, что обретаемая «политическая субъектность» Пскова и его южных пригородов не была тождественна сепаратизму. На примере Новгорода это явление уже показано в книге А.А. Селина о Столбовском мире. Теперь же гл. 4–6 книги Я. Н. Рабиновича позволяют проследить алгоритм этого почти неуловимого (из-за состояния источников) для историков Смуты диалектического процесса обретения такой самостоятельности Псковом и его пригородами. Эта самостоятельность на заключительном этапе Смуты органично «сработала» на воссоздание целостного Российского государства в его северо-западных пределах.

В главе 4 «Южные псковские пригороды в период междуцарствия (осень 1610 – весна 1613 года)» (с. 140–172) продолжается рассмотрение проблематики южных псковских городов как политического центра между тремя «оппонентами» – польским королем, на сторону которого встали бывшие противники – былой сторонник Василия Шуйского Григорий Валуев и экс-военачальник Лжедмитрия II Лисовский, Лжедмитрий III и новгородско-шведское правительство. В «населённой» историческими персонажами главе автору удалось показать, как формировался расклад сил, и какую позицию в нем занимали служилые люди южных псковских городов. И хотя в конце главы (с. 172) автор указывает, что они оказались зажатыми этими тремя силами, но именно активность жителей Себежа и Опочки (а такой вывод делается после представления микроистории по Себежу, Заволочью, Великим Лукам) сыграла решающую роль. В чем? Прямого ответа нет, но он формируется при чтении главы.

Факты, приведенные в ней, показывают, что жители южно-псковских малых городов в условиях размывания московского суверенитета оказались перед выбором, обусловленным еще и географическим стыковым положением. С одной стороны, польская сторона, желавшая овладеть российской столицей, и противостоявшая ей шведская сила, угадывавшаяся за фасадом новгородско-шведского правительства (разлом этот, как показал автор, прошел по сложной, драматичной судьбе Великих Лук). Никто из них не устраивал жителей Себежа, Опочки и других южных (при) городов. И уже на базе сформировавшейся активной позиции их выбор пал на появившегося Лжедмитрия III (одна из заслуг Я. Н. Рабиновича – подробный экскурс в историю этого движения, по размаху и последствиям не уступавшего выступлениям двух первых Самозванцев). И теперь историкам Смуты предстоит размышлять над причинно-следственной связью: южные пригороды Пскова примкнули к Лжедмитрию III, потому что он сумел своими достоинствами привлечь их к себе, или же они как носители политической

субъектности и противники поляков (примечательно уточнение автора на с. 163: не сторонники Лжедмитрия III, а скорее – противники польского короля) и шведов, обеспечили ему своей поддержкой опору и силу. Опору и силу такого масштаба, что ему на короткое время присягнули лидеры казачьей части Первого ополчения. Причем, вскоре они отказались от этого, как и южные пригороды Пскова. Такое отречение свидетельствует о том, что Лжедмитрий III рассматривался жителями юга Псковской земли как «эрзац»-вариант для противостояния шведам и полякам. И как только определилась реальность военного выдвижения к Москве Ополчения Минина и Пожарского и возможного созыва Земского собора для выбора царя, как только в Пскове получили послания Дмитрия Пожарского с агитацией против Лжедмитрия III, и забрезжил выход из Смуты, военно-политическая траектория Лжедмитрия III прошла высшую точку и завершилась пленением в той же Псковской земле. А сама Псковская земля начала свое встраивание в воссоздаваемое Российское государство. Об этом подробно рассказывается в следующей главе.

Глава 5 «Южные псковские пригороды после избрания царем Михаила Романова (1613–1617 годы)» (с. 173–251) является самой «многолюдной». Здесь представлены известные исторические деятели, и люди, которые впервые упоминаются в историографии. Это предопределено тем, что автор для всей книги и для этой главы в частности собрал максимум исторических источников, тщательно подбирая их по принципу даже минимального упоминания южных псковских малых городов, в том числе и в связи с конкретными людьми. Эта глава является и самой драматической по канве описываемых событий: 1) признание – в условиях острого военно-политического противостояния Речи Посполитой и Швеции – большинством активного населения Псковской земли, воцарения Михаила Романова в 1613 г.; 2) острая неравная борьба южно-псковских городов с поляками; 3) направление Москвой войск на Псковщину и фактическое вступление ее в открытый конфликт со шведами – и, значит, посильная поддержка антипольских военных действий. Возрождавшейся из Смуты Российской государственности удалось решить проблему удержания Псковщины с наименьшими потерями и затратами. И важнейшую роль в этой победе сыграло население южных псковских (при)городов. Поэтому так заслуженно много места в этой главе Я. Н. Рабинович уделил личностному фактору. В связи с этим нельзя не сказать об одном из постоянных героев книги, чья судьба красной нитью проходит через большинство глав.

Григорий Валуев, шедший против течения коллективной воли большинства дворянства южных пригородов Пскова и в унисон с большинством служилого населения России (верно служил

Василию Шуйскому, затем перешел на сторону «Семибоярщины», призвавшей польского короля), после 1613 г., как и его противники из числа земляков, занял сторону правительства Михаила Романова (автор отмечает, что и это правительство сделало все, чтобы компенсировать издержки этого выбора)). Вряд ли такое поведение можно интерпретировать как беспринципное. Валуев искал ту силу, которая могла бы обеспечить восстановление порядка. Искал, как и те уроженцы юга Псковской земли, что в свое время отвергли Василия Шуйского и пошли за Лжедмитрием II. Но как только после грозных событий обозначился выход из Смуты через доверие избранному Земским собором Михаилу Романову, то вчерашние соперники – Григорий Валуев и его оппоненты из южных пригородов Пскова – сошлись в своей поддержке ему.

Трагизм событий на юге Псковской земли в 1613–1617 гг. определился тем, что, несмотря на отчаянную и самоотверженную борьбу его служилого люда против поляков, значительная часть южно-псковских пригородов отошла к Речи Посполитой по условиям Деулинского перемирия. О его коллизиях повествует глава 6 «Условия Деулинского перемирия. Передача Себежа, Невеля и Красного польским представителям в начале 1619 года» – самая малая по объему (с. 252–262), которая в некотором смысле подводит горькие итоги эпопеи «самостояния» южных псковских пригородов в Смутное время. Я. Н. Рабинович аргументированно критикует стереотип, касающийся занятия этих пригородов поляками еще в 1618 г. Более того, как показано в книге, именно в октябрьские дни 1618 г., когда польские войска господствовали в Подмоскovie, на юге Псковской земли было заключено соглашение с поляками. Те признавали нахождение псковских южных пригородов в составе России. Этот факт предпослан царской грамоте 1619 г. об уступке Себежа, Невеля, Красного Речи Посполитой по условиям Деулинского перемирия.

В Заключении даны обобщенные выводы. И как бы не казались банальными слова ее финального абзаца: «Роль южных псковских пригородов в Смутное время была значительной» – они точно и емко подытоживают многомерное изложение бурных событий, личностных коллизий на юге Псковской земли.

Именно сложность, многокомпонентность и многожанровость интересной монографии Я. Н. Рабиновича обусловили ее проблемные места. Пытаясь совместить данные разнородных источников, автор «разрывается» между изложением событий по локально-горизонтальному принципу (конкретные города в такой-то период времени) и вертикальным принципом рассказа об истории событий. Из-за дефицита источников по истории Смуты в южной части Псковской земли неравномерно представлены города: наиболее «повезло» Себежу; другие же пригороды появляются по мере упоминания их в источниках,

а Вороноч и Остров практически отсутствуют. История населенных пунктов перемежается биографическими микронarrативами, историографическими экскурсами, которые лучше было поместить в сноски. Искусственно прикрепленной к общему повествованию выглядит глава 2: автор через квалифицированный источниковедческий анализ показал социально-топографическую повседневность южных пригородов Пскова, но не смог эти выкладки вмонтировать в общий текст. Может быть, стоило его убрать в Приложение?

Структура книги соответствует добротному академическому изданию, рассчитанному на специалиста по истории Смутного времени. Однако имеющиеся авторские замечания, касающиеся оценки подвига жителей пригородов, их патриотической позиции, разрывают эти рамки. Например, говорится о смерти «злейшего врага России» польского короля Стефана Батория (с. 40). Как кажется, равнодушие автора к предмету исследования – псковским древностям – и породило такую характеристику польского правителя, переломившего ход Ливонской войны с Россией в свою пользу. Но делало ли это обстоятельство его «злейшим врагом»? Насколько уместно такое вторжение публицистичности в книгу?

Данные замечания порождены новаторским представлением цельной картины «дней и дел» Смутного времени на территории южной Псковщины. Преодоление этих, в общем-то технических издержек, хочется увидеть в большой комплексной работе Я. Н. Рабиновича, где он смог бы объединить свои многолетние исследования по истории разных регионов Псковской земли в Смутное время. Также привлечение дополнительных документов из российских, прежде всего РГАДА, и зарубежных архивов по проблематике отношений России и Польско-Литовским государством в начале XVII в., безусловно, обогатит ожидаемую от Я.Н. Рабиновича работу, но это скорее – совет автору, в каком направлении стоило бы продолжить исследование.

К этому пожеланию надо добавить еще одно. Было бы уместным, чтобы объединяющая книга была бы адресована более широкому кругу читателей – псковскому и российскому. Для этого следует скорректировать подачу общей картины Смуты, исключительно технически представленной в монографии о южных пригородах Пскова. Заинтересованному, но неискушенному читателю трудно разобраться, какие силы преследуют какие цели, почему поляк Лисовский вдруг стал врагом польского короля, а потом перешел на его сторону. Нужен более четкий расклад военно-политических сил Смутного времени в проекции на Псковскую землю. Также необходимо объяснить понятный каждому историку Смуты тезис, согласно которому псковичи воевали за Россию, поддерживая Лжедмитрия II и Лжедмитрия III, против Новгорода и московского царя Василия Шуйского, а потом и Делагарди (с. 5–6).

Необходимо отметить относительную непоследовательность автора книги по отношению к другим его публикациям. В написанной Я. Н. Рабиновичем в соавторстве с А. Ю. Кабановым книге о судьбах участников Смутного времени содержится текст А. Ю. Кабанова об атамане Андрее Просовецком. Там представлена картина его походов по южной части Псковской земли, его разыгравшемся конфликте с бывшим союзником Лисовски⁷. А в рецензируемом труде Я. Н. Рабиновича представлена отличающаяся трактовка этих событий с участием Просовецкого (с. 144–147). Наверное, тут должно быть примечание, что автор книги корректирует свою позицию по данному вопросу.

По итогам прочитанного следует отметить и то, что богатый биографический материал книги, который через рассказы о личных судьбах в Смутное время оживляет изложение, требует своего отдельного оформления в биографику Смутного времени на Псковской земле. Требуется и новая версия жизнеописания Григория Валугева – этого незаурядного исторического деятеля.

Данные замечания не влияют на высокую оценку первого в историографии комплексного монографического исследования южных пригородов Пскова. Оно актуально по задачам и результатам и в академическом, и в общественном

отношениях, открывает перспективы дальнейшего изучения локальных идентичностей в Смутное время, мотивов выбора(ов), социальных коллективных и личностных стратегий.

Примечания

- ¹ Рабинович Я. Н. Порхов в Смутное время / под ред. д-ра исторических наук, профессора С. А. Мезина. Саратов : Издательский центр «Наука», 2013. 128 с.
- ² Рабинович Я. Н. Малые города Псковской земли в Смутное время / под ред. доктора исторических наук, профессора С. А. Мезина. Псков : ГППО «Псковская областная типография», 2014. 256 с.
- ³ Филюшкин А. И. Андрей Курбский. М. : Молодая гвардия, 2008. С. 56.
- ⁴ Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2017. С. 17–18.
- ⁵ Там же. 18–19.
- ⁶ Коваленко Г. М. «В соединенье с Московским государством». Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. Новгород Великий, 2017. С. 8.
- ⁷ Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. Смутное время начала XVII века : судьбы участников. Иваново : Издатель Епишева О. В., 2015. С. 27–28.

Поступила в редакцию 25.06.2021, после рецензирования 28.06.2021, принята к публикации 30.06.2021

Received 25.06.2021, revised 28.06.2021, accepted 30.06.2021